

Экзорцизм. Пролог

Стася Мэл

Стася Мэл

Экзорцизм. Пролог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69383782

SelfPub; 2023

Аннотация

Жена Дональда Вейта больна, и только жизнь вне столицы может помочь ей. Он покупает особняк, но ждет ли семью новая счастливая жизнь там, где гуляют ледяные сквозняки, разбиваются зеркала, а в саду, среди асфоделей, возвышается надгробная плита?

Содержание

Глава 1 Добро пожаловать	4
Глава 2 Матери и дочери	19
Глава 3 Такие разные сны	31
Глава 4 Лилии и лепестки	60
Эпилог	78

Стася Мэл

Экзорцизм. Пролог

Глава 1 Добро пожаловать

Вокруг звенел май – в трелях птиц, в жужжании пчел, в синем небе и золотистой ряби реки. Переливался в листьях тополей, сверкал росой в изумрудной траве, пьянил ароматом роз и боярышника, и какой-нибудь романтической натуре могло показаться, что вот-вот случится нечто прекрасное.

Избель Вейт давно уже растеряла наивность и веру в чудо. Она ненавидела май: яркое солнце слепило глаза, от запахов цветущих растений раскалывалась голова, и даже легкий ветерок не приносил облегчения, лишь раздражал. Почти так же сильно, как глупая улыбка дочери. Та сидела у окна с сияющими глазами, наблюдая, как мимо проплывают луга и поля, простирающиеся до горизонта, и на щеках ее горел румянец. Кто-то мог бы назвать его очаровательным, но только не Избель. Она ненавидела дочь – Амалию, – столь похожую на нее в юности, что это причиняло боль. Те же русые волосы, мягкие и гладкие, словно шелк, тот же миндалевидный разрез глаз, тот же изящный овал лица, тонкий носик, белая кожа, лебединая шея...

Избель скривила пухлые губы и отвернулась, занавесила

окно, чтобы лишить собственное отражение любого шанса быть замеченным. Впрочем, какая разница, скрыто ли стекло, если напротив сидит Амалия – причина ее болезни, ее мучений, ее затворничества... Когда-то женщина блистала на балах в Нодноле, ее считали украшением на любом приеме, даже Грейсдоры и Макрайзены звали юную Избель на чаепития! Но бедность заставила ее выйти замуж, за свадьбой последовала беременность, и все великолепие света, веселье и общение оборвались. Избель стала заложницей своего состояния, а внутри нее, пожирая красоту и здоровье, рос ребенок.

Карета подскочила на выбоине, и на колени полетели листы, исписанные мелким убористым почерком.

– Проклятье! – выругался муж, забирая протянутые бумаги и вновь отдавая им все свое внимание.

Избель приподняла брови, но он этого удивленно-неодобрительного жеста не заметил. Какой раз он перечитывал этот договор купли-продажи особняка в Борроуфане? Третий? Четвертый? И каждый раз между его темных бровей пролегла морщинка озабоченности, а вокруг губ появлялись складки и портили красивое благородное лицо. Избель решительно не понимала, зачем снова и снова читать бумаги, которые он едва ли не наизусть выучил. Что нового в них можно найти на пятую попытку?

Если бы жена решилась задать этот вопрос вслух, Дональд Вейт не смог бы найти ответа. Он просматривал договор не в

пятый, а в шестой раз, не находил ничего опасного, но червячок сомнения не унимался. Шипел, зудел, чесался под кожей и возился в животе, поднимая волны внезапного страха. Что-то было не так, и Дональд чувствовал это. Знал. Помнил беседу, состоявшуюся несколько месяцев назад:

– Вам стоило бы переехать подальше от Ноднола, – произнес сэр Генри Айдел, покручивая бокал за ножку и задумчиво изучая поблескивающее вино.

Дональд промолчал. Он неуютно себя чувствовал в компании этого молодого человека. Высокий, стройный, златокудрый юноша с лицом ангела и порочными янтарными глазами – отпрыск богатейшей семьи, входящей в круг Лордов Основателей. Он выглядел моложе своих лет, и многие становились жертвами его обманчиво-невинной внешности. Зная это, Дональд всячески избегал его компании, стараясь не пересекаться с ним ни в суде, ни в Клубе, куда ходили все юристы, вне зависимости от квалификации.

– Я слышал, что у вашей жены вновь был приступ, – бесцеремонно продолжал Айдел, – в таких случаях доктора рекомендуют проживание подальше от больших городов, там, где свежий воздух и природа помогают преодолеть недуг.

«Но ты-то не доктор!» – раздраженно подумал Вейт, но вслух произнес совсем иное:

– Слухи быстро расходятся... Тогда вы, наверное, слышали и о том, что я уже ищу подходящий дом?

Айдел отодвинул от себя бокал, подняв взгляд на Дональ-

да, и у того по спине побежали мурашки. Может, зря он считал глупцами тех, кто верил в сказки о том, что Основатели принадлежали роду не только людскому, но и фейскому?

– Слышал, и вот ведь совпадение – я владею особняком неподалеку от Ноднола, которому как раз ищу покупателя!

С того разговора в Клубе Юристов Королевства прошло больше полугода. Сначала Дональд обрадовался такому повороту событий. Вместе с Избель он съездил в Борроуфан, осмотрел дом и остался от него в восторге. Двухэтажный, стоявший в некотором отдалении от городка, окруженный садом, особняк казался очень уютным, несмотря на то, что в нем уже несколько десятилетий никто не жил. Мебель и прочие предметы обстановки отлично сохранились, что-то укрывала ткань, что-то – пыль, но он решил полностью обновить все. Здесь и начались проблемы... Работников из местных найти не удалось: никто, даже самый опустившийся и нуждающийся в деньгах пьянчуга, не хотел заходить в Кроптон-хаус, который Дональд про себя уже именовал «Вейт-хаус», поэтому пришлось искать работников в Нодноле. Это повлекло за собой лишние расходы; затем кухарка и горничная отказались переезжать, и несколько месяцев Избель изводила Дональда жалобами на то, как сложно найти новую прислугу. Потом в доме произошел несчастный случай – работники, спуская старый комод со второго этажа, не удержали его, и тот рухнул прямо на их коллегу; к счастью, обошлось переломом, но после этого четверо из пятерых по-

просили расчет, отказываясь объяснять в чем дело.

Эти проблемы, конечно, раздражали Дональда, но тревоги не вызывали. Все изменилось, когда в начале весны он остался в особняке на ночь. Стоял март, и яблоня под порывами холодного ветра дрожала и пригибалась, постукивая ветками в окно. Влажные дрова разгорелись с трудом, и огонь в камине плясал неровно. Дональд сидел в кресле рядом, пытался сосредоточиться на записях помощника, но у него не получалось. Все время чудились шаги, шорохи, а иногда и тихий – детский ли? – смех. В тот вечер Вейт не выдержал, поднялся и обошел весь дом, конечно же, никого не обнаружив.

– Приехали, господа! – весело крикнул кучер, и карета остановилась.

Дональд со вздохом убрал бумаги в саквояж, посмотрел на жену, а потом ободряюще улыбнулся дочери. Амалия, в отличие от Избель, перемене радовалась, она вообще была девушкой тихой, скромной и развлечениям предпочитала рукоделие. Дональду хотелось верить, что в новом доме семью ждет счастливый этап, но...

Он вышел из экипажа, подал руку жене, потом дочери, и наконец повернулся к «Вейт-хаусу». Его окна приветливо поблескивали, белел свежеокрашенный дверной портал, тени от высоких дубов и садовых деревьев ложились на стены – особняк словно сошел с чудесного пейзажа, но отчего же тогда тревога болезненной судорогой сводила колени?

Окна спальни выходили прямо на яблоневый сад за домом. Амалия замерла, любуясь пенным морем крон, розовеющих в мягком свете уходящего солнца. До чего же красиво! В Нодноле дома жались друг к другу, зеленый пяточок с розовым кустом или деревцем у крыльца был скорее роскошью, а небо даже в ясные дни затягивала серовато-бурая пелена, поэтому от нового жилья Амалия пришла в восторг. Тут она видела синь и облака, вместо гари вдыхала воздух, напоенный ароматами трав и цветов... А звуки? Мягкий шепот крон и птичий посвист, а не грохочущий рокот огромного многоликого чудовища! У Амалии даже виски заняли, стоило ей вспомнить, как мчатся по брусчатке экипажи, ржут лошади, кричат возницы, лоточники, патрульные; как стучат-стучат-стучат тысячи и тысячи ног спешащих по делам людей. Девушка приложила ладонь ко лбу, оперевшись о стол. Рожденная в Нодноле, любви к нему она не испытывала.

– Все в порядке, мисс? – обеспокоенный голос Зои заставил Амалию выпрямиться и обернуться.

Их общая с матерью камеристка стояла на пороге комнаты, почти скрытая ворохом шляпных коробок. Она выглядывала из-за нее осторожно, опасаясь уронить свой шаткий груз, и Амалию это насмешило.

– Все хорошо, Зои, – с улыбкой произнесла она и подошла, чтобы помочь служанке убрать коробки в шкаф.

Мать всегда ругала за такое. Однажды она увидела, как Амалия помогала кухарке – помешивала длинной ложкой горячий шоколад – ух и скандал устроила! «Работа слуг – только для слуг!» – и сейчас, когда она забирала коробки из рук камеристки, голос матери зазвучал в ушах так громко и ясно, словно та стояла рядом, но Амалия лишь упрямо закусила губу. Если она может помочь, ей это не в тягость, а в радость, – почему нельзя? И миссис Бороа, готовившая на всю семью, и Зои принимали помощь с благодарностью, они никогда не злоупотребляли проявленной добротой, так почему же...

– Как вам особняк, мисс? – камеристка, наверное, почувствовала, как изменилось настроение Амалии, поэтому решила отвлечь ее от грустных мыслей.

– Очень нравится, – улыбнулась та.

Амалия говорила правду: ее радовала природа вокруг, ее радовала новая обстановка комнаты с зелеными обоями, лаково блестящие дверцы шкафов, но еще больше – то, что папа уважил ее просьбу. Перевез для нее старый письменный стол из Ноднола, и теперь его потемневшее дерево, мелкие царапинки напоминали ей о том, кому он принадлежал до нее. Амалия ласково коснулась столешницы, провела по ней кончиками пальцев. Сколько она провела за этим столом, занимаясь с гувернанткой, читая книги и письма, отве-

чая на них. Перевязанные ленточкой конверты с драгоценным содержимым и сейчас лежали в ящике, ключ от которого Амалия хранила у сердца. Она вновь улыбнулась, решив, что обязательно перечитает вечером несколько особенно любимых писем, и повернулась к Зои:

– А где остальной багаж? Сундуки с платьями и обувью?

– Оливер принес их прямо к двери.

– Давай я помогу тебе занести и разобрать их, у нас как раз хватит времени до ужина! А после вместе займемся штопкой!

Радостная и благодарная улыбка озарила простенькое лицо Зои, сделав его почти красивым. И все-таки мать не права! Доброта и искренность находят куда больше отклика, чем равнодушная суровость!

Амалия тихонько проскользнула на кухню и пристроилась рядом с Зои, достав из корзины рядом сорочку, по вороту которой собиралась вышить цветы. Ужин закончился и у слуг, но они не торопились расходиться из кухни: у кого-то еще оставалась работа, а кто-то просто хотел поболтать, обменяться сплетнями и впечатлениями. Экономка миссис Фигг вообще уходила спать последней, после того, как проверит, что все в доме готово к новому дню и пребывает в порядке. Вот и получилось, что на кухне собралось до того много народу, что большое помещение стало казаться тесным, но шума не было. Слуги переговаривались негромко, лишь де-

ти кухарки – Джон и Марли заливались смехом, ничуть об этом не переживая.

– Ох и денек был! – конюх тяжело уселся за длинную лавку и придвинул к себе тарелку с почти остывшей кашей.

– Ты задержался, Бен, – миссис Фигг окинула его взглядом, который Амалия про себя называла «пренебрежительно-подозрительный». Экономка берегла его для случаев, когда кто-то провинился, но не настолько, чтобы заслужить прилюдное отчитывание.

– Да уж конечно! – фыркнул, как один из его коней, Бен. – Пешком ходил до Борроуфана, чтобы договориться об овсе и сене! Пока туда, пока обратно, пока договоришься – мы тут люди новые, к нам с подозрением...

Тонкие ноздри миссис Фигг хищно дрогнули, но, кажется, запаха джина или эля не учуяли.

– С подозрением, – повторила новая кухарка, миссис Гломсби, – кажется мне, что это совсем не из-за того, что мы только переехали...

Слуги притихли. Все они слышали о проблемах, которые возникли при ремонте, и о том, что местные в особняке не то, что работать – даже появляться не хотели! Поэтому-то конюху и пришлось идти в городишко, а служанкам – к молочнику и мяснику, хотя обычно в большие дома они приходили сами.

Миссис Фигг предположение не понравилось, она громко фыркнула, а потом легонько хлопнула ладонью по столу:

– Что еще за глупости! Раз не знаете, то нечего и болтать! А теперь давайте-давайте, скоро уж спать идти, а завтра новый день! Мисс Амалия, стоит ли вам сидеть здесь с нами? Идите лучше в спальню, сейчас пришлю кого-нибудь из девушек постель вам приготовить. А то матушка ваша узнает, где вы, расстроится!

Амалия поджала губы, «расстроится» – слово неподходящее, но спать не хотелось совершенно, и на кухне, в отличие от спальни и гостиной, было тепло.

...Уютно...

...Не так одиноко...

– Спасибо, миссис Фигг, но я хочу заниматься вышивкой здесь. А матушке моей об этом знать не обязательно, – Амалия вновь склонилась над вышивкой, показывая, что разговор закончен.

Дональд Вейт мерил шагами комнату. Он выбрал ее для своего кабинета, потому что из окна открывался чудесный вид на подъездную аллею из дубов, особенно прекрасную на рассвете, но и в конце дня не терявшую своего очарования. Уходящее солнце позолотило макушки деревьев, и тень от дома подчеркивала эту светящуюся зелень. В другой раз Дональд обязательно бы полюбовался этой картиной, но сейчас ему было не до этого. Минут десять назад Избель вышла из

кабинета, бросив через плечо: «Здесь все *отвратительно!*» Она умела произносить это слово особенным тоном, от которого внутренности сжимались в комок, а на языке появлялся кисло-горький привкус. Привкус вины. Он опять не справился, опять разочаровал.

Дональд прикрыл глаза, но и это не избавило его от образа жены, от ее холодного взгляда, ее бледных, презрительно сжатых губ. Видит бог, он старался быть хорошим мужем... И особняк этот купил для нее! Столько денег в него вложил! Для ее же блага, для ее же здоровья!

Тихий звук, словно шелест шелка по паркету, заставил Дональда открыть глаза.

– Избель? – произнес он и оглянулся к двери, но комната оказалась пуста.

К тому же, дверь не скрипнула, отворяясь, лишь платье прошуршало по полу. Дональд нахмурился, подошел к столу и сел. Его не покидало ощущение испытующего взгляда, от которого холодел затылок, прямо как в тот мартовский вечер.

Договор, скрепляющий сделку, лежал поверх всех прочих бумаг, и Дональд в который раз принялся его перечитывать. Хотя зачем? Он и так мог рассказать его наизусть, назвать каждую запятую... Наименования сторон, описание дома, цену, дополнительные положения... Кто, кому, за сколько, в какие сроки... В этом документе не было ответа, но понятное простое действие унимало тревогу и отвлекало от чув-

ства вины. Строка плыла за строкой, свет в комнате постепенно таял, и Дональд сам не заметил, как уснул.

Ему снилась Энуя. Ее пыльно-песочные дома, запах жакаранды, резные листья пальм, в кронах которых шумно спорили желто-зеленые птицы; длинные прогулки с Избель и кружевная тень от парасоля на ее лице. Она смотрела на него с ласковой улыбкой, и ветер играл ее русыми локонами, а за спиной купалось в золотом море закатное солнце. Теплый ветер касался кожи, но Дональд видел, что дыхание почему-то вырывается изо рта облачками пара. Солнце совсем погасло, на темном небе бледным расплывчатым пятном проступила луна, а сладкий аромат фиалкового дерева сменился странным для побережья запахом холодной разрытой земли. Избель улыбалась все так же ласково, но глаза ее блестели странно и дико. Дональд сделал шаг ей навстречу, но она вытянула руку, одновременно останавливая и указывая на него пальцем.

– Убийца!

Голос, что произнес это слово, не был голосом Избель – Дональд распахнул глаза, и увидел перед собой юную светло-волосую мисс. На ее хорошеньком лице со светлыми, почти белыми, огромными глазами застыло выражение презрения и ненависти; никто и никогда еще не смотрел так на Дональда! Миг, и она пропала.

– Спаситель! Это просто сон! – выдохнул Дональд.

Но внутри все дрожало, сердце билось неровно и часто, а

холодок поднимался от живота к груди. Сколько бы раз он ни повторял слова «это просто сон», какая-то часть него была абсолютно уверена, что не «просто» и не «сон».

В спальне пахло лаком и новыми обоями. Это был незнакомый, чужой, а значит опасный аромат. Дома, в Нодноле, спальня Избель благоухала лавандой: простыни, подушки, одеяла, полог, ящики стола – этот аромат успокаивал. Здесь же, несмотря на букет на столе, несмотря на переложённые мешочками с сухоцветами платья и сорочки, острая вонь лака касалась носа.

Беспокоила.

Мешала уснуть.

Избель села, откинувшись на подушки, и посмотрела на чернеющий в сером сумраке фитилек свечи. Позвать служанку, чтобы зажгла, и почитать, пока усталость наконец не возьмет свое? Избель потянулась к колокольчику и тут же раздраженно зашипела: в этом доме колокольчик находился с другой стороны от той, на которой она привыкла спать, и чтобы дотянуться до него нужно было перебраться к другому концу постели! До чего раздражающе! Все в этом доме раздражающе! Неудобно, неправильно, некрасиво, отвратительно! И этот ужасный холод!

По приезду Избель обошла дом, чтобы посмотреть, что в

итоге получилось из пыльной мрачной громады, и осталась недовольна. Выбор Дональда не был лишен вкуса, но... – Избель смежила веки, – ...но она не хотела этого выбора! Она просила мужа остаться дома, в Нодноле, где текла настоящая жизнь: приемы, балы, встречи, – но он так увлекся тем, чего хотел сам, что и слушать ее не желал. «Это для твоего же блага, дорогая!», «Вот увидишь, ангел мой, свежий воздух пойдет тебе на пользу!», «Твое здоровье поправится, и тогда, я надеюсь, мы подумаем о втором ребенке». Последнее было самым страшным! Стоило Избель вспомнить об этом, как сердце начинало стучать так быстро и громко, что набатом гремело в ушах, заглушая все, дыхание перехватывало, будто бы кто-то затягивал петлю на горле, а в глазах темнело.

И теперь этот дом казался камерой, из которой нет выхода, только вход – для ее мужа, который в любой момент может прийти и... Кожа покрылась мурашками. От страха или от холода? Избель не знала, но чувствовала и то, и другое. В особняке почти везде было не по сезону прохладно. Куда она ни заглядывала, холод и сквозняки преследовали ее, даже на кухне, где ярко горело пламя в печи, а слуги толпились, каждый занятый своим делом. Холоднее всего, как назло, оказалось в спальне. Завтра же она прикажет развести камин! И плевать, что за окном май! Единственный плюс ее нынешнего статуса – это то, что деньги можно не считать, Дональд купил ее титул, связи ее семьи, взамен обеспечив обнищавший род и ее саму финансами. Горькая усмешка исказила

лицо Избель. Было время, когда она считала замужество хорошей сделкой. Как глупа и наивна она была! Думала, что это просто церемония с красивым платьем и пышным приемом, после которой она снова сможет порхать по балам, танцевать до зари и сиять в окружении всеобщего восхищения! Какое-то время так и было, а потом, в солнечной Латинии, в маленькой Энуе, где они с Дональдом проводили медовый месяц, случилось то, что разрушило жизнь Избель.

Глава 2 Матери и дочери

Казалось, что дом спал, но Амалия знала – это не так. Солнце еще не показалось над горизонтом, знаменуя начало нового дня, и яблоневый сад за окном кутался в зыбкую шаль из тумана и серых сумерек. Спали хозяева, спали слуги, но дом – нет, а с ним не спала и Амалия. Слушала вздохи половиц под невесомыми шагами, шорохи и шепотки, детский смех, столь тихий, что ухо едва могло его уловить, и думала о том, кто ушел два года назад.

Дедушка.

Именно его стол стоял сейчас у окна. Именно его письма лежали в ящике. Именно он был для Амалии самым близким и дорогим человеком, и именно его она увидела перед тем, как проснуться. Не могла же она увидеть дедушку наяву?

Он стоял, касаясь кончиками пальцев крышки стола, и сквозь его высокую фигуру, такую, какой она ее запомнила – в пальто с тремя золотыми полосами на рукаве, синих брюках и остроконечной фуражке – просвечивали серебристые линии вышивки на обоях. Он смотрел на нее со страхом и волнением, и такого взгляда Амалия у него никогда раньше не видела – ведь дедушка всегда был спокойным, очень смелым! А потом призрак заговорил. Он сказал всего два слова и исчез, но даже спустя час они звучали в голове Амалии:

«Уезжайте немедленно!»

Она вздохнула и перевернулась на другой бок, спрятавшись под одеялом. Сном ли, явью было видение – оно встревожило ее. Новая жизнь, которую она представляла себе, когда уезжала из Ноднола, словно бы отдалилась. Мечты о соловьиной песне в зарослях жасмина, о тихих акварельных вечерах, о выздоровлении матери... Все это окрасили в черно-серый слова дедушки.

Когда через несколько часов Амалия спустилась к завтраку, она чувствовала себя совершенно разбитой. Сон сморил ее, когда солнце показалось над горизонтом, а ушел – когда в дверь постучалась Зои, готовая помогать с утренним туалетом.

За столом сидел только отец. Он читал газету, и Амалия заметила, как напряженно были сдвинуты его брови. Тревожные новости? Последнее время в газетах стали упоминать о всяких вредителях «с крылышками и без»...

– Доброе утро, отец, – Амалия присела и склонила голову.

– Доброе, – ответное приветствие прозвучало глухо, отец даже не поднял голову от газеты. – Подайте завтрак!

Служанки, что замерли по обе стороны от двери, исчезли одна за другой, чтобы меньше чем через минуту вернуться с подносами и начать споро сервировать стол. Тарелки и чашки с узором из ландышей чудесно смотрелись на жемчужно-белой скатерти, солнечный свет, льющийся в высокие окна, играл на их отполированных боках, и завтрак мог бы да-

же казаться праздничным, если бы за столом собралась вся семья, и зазвучали смех, добрые разговоры. Амалия знала, что такое возможно. Прошлым летом она гостила у друзей семьи, и там увидела совершенно другой мир – полный заботы, света и любви. Веселые вечера с домашним театром, уютные обеды, пикники, и каждый в семье чувствовал себя окруженным вниманием. Все это столь отличалось от того, что ждало Амалию дома, что она плакала, когда покидала гостеприимный дом друзей.

– Матери нездоровится, – произнес отец, когда служанки вновь вернулись на свои места.

Амалия посмотрела в пустую тарелку, «Уезжайте немедленно!» – вновь пронеслось у нее в мыслях, и она вздрогнула. Может, им и не стоило приезжать?

Избель сидела в кресле у окна, устремив взгляд куда-то вдаль. Легкий тюль чуть волновался от дыхания ветра, приносящего утреннюю упоительную свежесть, но комната тонула в тених – окна спальни выходили на запад, и солнцу предстояло проделать долгий путь по небосводу, чтобы заглянуть в них.

По небу плыли легкие облака, шумели кроны яблонь. Когда-то в такие дни Избель гуляла по Хайд-парку... В чудесные дни юности... Один такой приснился ей сегодня: солнеч-

ный, яркий, полный беззаботного веселья! Она гуляла вдоль берега реки, чувствовала прохладу воды и тепло солнечных лучей, запах трав и мягкую гладкость цветов, что собрала в букет: анютины глазки, колокольчик, жимолость и василек. Сердце билось быстро и радостно, так, словно в груди поселилась влюбленность. Вот только нет реки в Хайд-парке, лишь озера с желтыми кувшинками, да и букеты без перчаток она никогда не собирала – для девушки ее положения подобное стало бы несмываемым пятном на репутации. Подобную шалость могли себе позволить лишь те, кто родился в семьях Лордов Основателей.

Избель отвернулась от окна и устало прикрыла веки. Сон совсем не дал отдыха, и теперь она чувствовала себя столь утомленной, словно всю ночь бродила неизвестно где!

– Госпожа? – в комнату заглянула Зои, и хоть вопрос она задала голосом мягким и негромким, у Избель челюсти свело от этого звука, а лоб будто пронзила раскаленная спица.

– Мне нездоровится! К завтраку не выйду, уходи!

Камеристка исчезла, и Избель с сожалением подумала о том, что она поторопилась прогнать ее, теперь придется самостоятельно идти за пледом, чтобы укутаться. Как это Дональд не заметил, что этот дом такой ужасно холодный?! Не иначе нарочно привез ее сюда, чтобы свести в могилу! Избель раздраженно распахнула шкаф, встала на цыпочки и потянула на себя вязаное покрывало, но едва оно оказалось у нее в руках, как что-то упало. Зеркальце! Наверное, какая-то

из служанок замотала его, чтобы не разбилось при перевозке, да и забыла.

Избель осторожно наклонилась и подняла его. В зеркальце отразилось миловидное, совсем еще юное личико со вздернутым носиком; на гладкий белый лоб падали туго завитые локоны светлого, почти льняного цвета, а глаза... белые, словно молоко! Избель с коротким вскриком выронила зеркальце, и оно с глухим стуком упало на пол, треснув посередине. Это не ее отражение, не ее внешность! Это... это кто-то... другой!

Дрожащими руками Избель высвободила волосы из простой прически и притянула прядь к глазам, чтобы удостовериться, что она все такая же русая. Коснулась тонкого прямого носа, ничуть не вздернутого, пухлых, искусанных и от того слегка шелушащихся губ. Она все еще она! Ее внешность не изменилась! Страх откатился волной, а взамен пришло облегчение столь сильное, что у Избель даже ноги подогнулись, и она, цепляясь за дверцу шкафа, опустилась на пол. Плед расплескался подле, скрыв разбитое зеркало. Но вместе с облегчением явилось и кое-что другое, оно зацепилось за краешек души тонким коготком и отравило ее завистливым разочарованием. Девушка в отражении была столь юной, свежей и красивой! Ее локоны, уложенные по моде начала века, придерживала лента, расшитая серебром и жемчугом, платье открывало грудь, на которой поблескивала подвеска с опалом, длинные перчатки из паучьего шелка доходили почти до ру-

кавов-фонариков – подобной роскошью Избель никогда не обладала.

Но очень хотела бы.

Шаг, второй, третий, скрип, снова шаг, второй, третий, выглянуть в окно и обратно – раз, два, три, скрип, раз, два, три. Сначала скрипящая половица раздражала, но потом Дональд нашел странное успокоение в этом звуке, который раздавался точно тогда, когда он его ожидал.

Почтальон все не шел, и это злило! В Нодноле письма доставляли до двенадцати, но может в Борроуфане дела обстояли иначе? Дональд попытался припомнить, рассказывал ли ему кто-нибудь о доставке корреспонденции, но не смог. Он снова выглянул в окно, но дорога к дому все так же оставалась пуста, и тогда Дональд решил идти на почтовую станцию сам.

Хлопнув дверью кабинета чуть сильнее обычного, он спустился в холл и, уже надевая шляпу, заметил камеристку жены. Зои сидела на стуле в столовой, и вокруг нее хлопотала одна из горничных:

– Ох, как же так-то, – приговаривала она, отрезая часть бинта и обматывая им правую ладонь Зои, – как же так-то?

Камеристка морщилась от боли, но отвечать не торопилась, ждала, пока горничная закончит.

– Порезалась. Кто-то зеркальце в хозяйкином шкафу оставил, так она его и разбила. А я заглянула, спросить не нужно ли ей что, все-таки не завтракала, смотрю – зеркало на полу, да осколки вокруг. Пока убирала... порезалась... Знаешь, Джози, пальцы заledenели, словно кисть в прорубь сунула, а потом будто под руку кто-то толкнул!

Голос Зои звучал испуганно, и Дональд поморщился: вечно служанки глупости всякие выдумывают! Нужно будет сказать Избель, чтобы выговор им сделала! А то придумали, собственную неуклюжесть оправдывают!

Дорога до Борроуфана пешком заняла у Дональда меньше времени, чем он ожидал, даже доставила удовольствие. В Нодноле, людном, шумном, грязном, кто-то вечно что-то требовал – мальчишки-разносчики кричали: «Купите газету!», «Каштаны!», «Устрицы!»; возницы экипажей: «С дороги!»; робкие цветочницы тоненькими голосами просили: «Купите букетик, добрый сэръ!» – среди всего этого гама и грохота невозможно было услышать звук собственных шагов, не то, что птичий посвист. А здесь, идя по тенистой дубовой аллее, Дональд различал и звонкое «тинь-тинь» синиц, и басовитое урчанье голубей с белыми пятнышками на шее, и шелест ветра в кронах. Пахло травой и прогретой землей, а не лошадиным навозом, солнце ярко сияло в чистом небе, и настроение Дональда, испорченное завтраком без жены и не пришедшей почтой, вновь прояснилось.

Сам городишко оказался небольшим, после Ноднола – и

вовсе крохотным. Одна центральная улица, раздавшаяся по середине площадью, две гостиницы в разных ее концах, церковь. Почтовое отделение оказалось почти на окраине, рядом со станцией, где останавливались дилижансы. Впрочем, «почтовое отделение» – слишком громкое название для паба с парой спальных мест, где возницы оставляли корреспонденцию. Дональд со вздохом толкнул дверь, на которой поверх облупившегося лака красовалась прибитая железная подкова, и вошел. Внутри оказалось куда приличнее, чем могло бы показаться с первого взгляда: да, темновато, маленькие окошки пропускали недостаточно света, а на свечах и газовых лампах владелец заведения явно экономил, но – чисто, да и пахло не кислым элем, а тушеным мясом. Дональд огляделся, заметил за стойкой трактирщика и решительно направился к нему. Тот при виде джентльмена не проявил никакой заинтересованности – продолжал читать газету, покручивая длинный темно-русый ус.

– Мистер, – обратился к нему Дональд с нотками тщательно отмеренного раздражения.

– Вам чего? – не поднимая головы, отозвался тот. – Эля? Джина? Может, виски?

– Мне мою корреспонденцию!

Трактирщик наконец оторвался от чтения, окинул Дональда внимательным взглядом.

– Я вас раньше не видел. Вы из Кроптон-хауса? – несмотря на холодное выражение глаз, тон звучал дружелюбно.

– Теперь это Вейт-хаус, – разговор Дональду не нравился, хотя ничего особенного в нем не было: новый человек в городе, никто знать его и не должен, но в обращении с джентльменом стоило бы проявлять больше вежливости! – Я ожидал, что мою корреспонденцию доставят по адресу и вовремя!

Трактирщик, не говоря ни слова, наклонился, зашуршал чем-то под стойкой, а потом шлепнул перед Дональдом пачку перевязанных тонкой бечевкой писем.

– У нас почтальонов нет, мистер. А если бы и был кто, к вам бы все равно не пошел.

– И как же это понимать?

– Сами знаете, мистер.

Дональд открыл было рот, чтобы возразить, но не стал. Никто из местных не согласился работать, когда дом ремонтировали. Никто из местных не захотел пойти в слуги, когда семья переехала.

Они боялись. Но чего? Дональд прищурился, решая, стоит ли спросить, но трактирщик покачал головой и вернулся к газете, показывая, что разговор окончен.

– До свидания, – попрощался Дональд; не дождался ответа и вышел. – Какая разница, – пробормотал он, ни к кому не обращаясь, – чем дальше от столицы, тем сильнее глупые суеверия!

Но уверенности не было.

После завтрака Амалия заперлась в спальне. Сначала она перечитала письма дедушки, она всегда так делала, когда тревожилась: дедушкин ровный почерк, его уверенные и спокойные слова, полные тепла, успокаивали лучше лауданума, который принимала мать. Излюбленный способ помог и в этот раз, закончив с письмами, Амалия взялась за дневник. Еще в Нодноле она купила новый – в темной коже с чистыми белыми листами – собиралась начинать жизнь в прямом смысле с чистого листа, но вместо того, чтобы писать в нем, оставила его в темном ящике стола, достав тот, что вела еще в столице. С желтоватыми страницами, где она описывала свои радости, печали и мечты, с кляксами и помарками, со всей ее прошлой жизнью. Амалия взялась за перо, обмакнула его в чернильницу и аккуратно вывела в начале страницы дату, а ниже: «Сегодня мне приснился дедушка»...

К моменту, когда она поставила последнюю точку, солнце перевалило через середину неба, и тень от дома упала на дубовую аллею. Тревога разжала коготки и отступила, скрылась под кроватью или за шкафом, но не ушла, Амалия чувствовала ее холодное дыхание. Или то сквозняки? Вот даже тюль колышется, будто бы кто-то за ней стоит! А за окном...

Амалия улыбнулась – до чего же все-таки красив май вдали от столицы! Это небо, эта зелень, этот сад в белой пене

цветения! Как было бы приятно прогуляться, слушая песни птиц и вдыхая чистый воздух, лишенный привкуса дыма и гари! А почему нет? Она еще раз выглянула в окно, все-таки собственный сад у дома это не общественный парк в Нодноле, куда без сопровождения приличной леди не выйти, верно? Амалия подошла к зеркалу, поправила прядь волос, пригляделась к платью и решила, что утренний туалет для прогулки по саду не подходит, но звать камеристку, чтобы переодеться, не хотелось.

Дверь скрипнула. Амалия оглянулась, но комната оказалась пуста, лишь между дверью и косяком появился зазор, столь узкий, что в него бы и мышь не протиснулась. Девушка вновь повернулась к зеркалу, решая, что делать с платьем, как на этот раз скрипнула уже половица, а потом Амалия почувствовала легкое касание, сковавшее холодом руку до самого плеча. Чьи-то маленькие пальчики обхватили ее ладонь и сжали, Амалия дернулась в сторону, и ощущение ледяной хватки пропало, зато появилось другое – по всему телу расползался парализующий ужас.

Рядом с ней стояла маленькая, не старше семи лет, девочка с волосами цвета золота, очаровательными пухлыми щечками, в белой сорочке. Она могла бы показаться ангелочком, если бы в голубых глазах не было такой пустоты, а алый ротик не кривился бы в злой усмешке. Амалия попыталась вдохнуть, чтобы заговорить, закричать, издать хоть какой-нибудь звук, но не смогла, а девочка протянула к ней ру-

ку и снова сжала ладошку в кулачок. Горло Амалии сдавило спазмом, а в глазах потемнело; удара она уже не почувствовала.

Глава 3 Такие разные сны

Вагон ритмично покачивался, убаюкивая, и в другой ситуации Дональд с удовольствием бы задремал до прибытия поезда, но в этот раз сон не шел. Дональд нервно постукивал пальцами по колену, невидящим взглядом уставившись в окно. За ним мелькали поля и перелески, но перед глазами вставали совсем другие картины.

Амалия, бледная до прозрачности, лежащая в постели, куда ее перенесли, найдя на полу, горничные. Бедняжка была столь холодна, что лишь поднесенное к губам и носу зеркальце, дало понять, что она жива. Через несколько минут Амалия очнулась, даже за доктором послать не успели, но и этого хватило, чтобы Дональд ощутил бессилие и отчаяние, которые до того не испытывал. А утром Амалия оказалась столь слаба, что завтрак, да и обед, ей принесли в постель. Она все время спрашивала про какую-то златоволосую девочку, но откуда ей быть в доме Вейтов, в чьих жилах нет ни капли волшебной крови? Ведь только потомки фей, фэйри и эльфов, члены семей Лордов Основателей вроде Генри Айдела, могут похвастаться волосами иного, нежели русого цвета! Смутная, неоформленная мысль появилась, но тут же исчезла, скрывшись за следующей картиной: Избель с порозовевшими щеками с аппетитом ест запеченную с ранним картофелем курицу. Подобной картины Дональд не видел,

наверное, с самой свадьбы: когда жена понесла, она перестала нормально есть – ее постоянно тошнило, а, может, и рвало, и с рождением ребенка ситуация практически не изменилась. После обеда Избель ушла в комнату, но обратно уже не вышла, к ужину румянец исчез с ее лица, губы потеряли цвет, и силы оставили ее. Она дрожала, кутаясь в шаль, жаловалась на сквозняки и холод, а потом попросила... зеркало. Дональд обещал купить его в первую же поездку в Ноднол.

Да и слуги вели себя странно: шушукались по углам, замолкая при его появлении, провожали настороженными взглядами. Дональд даже вызвал к себе в кабинет дворецкого, но тот невозмутимо ответил: «Все в порядке, сэр». Выдали дворецкого глаза – на самом дне в них поселилась тревога. Что бы в доме ни происходило, оно явно вело не к здоровью и счастью семьи, а к чему-то неправильному, болезненному, гибельному. Да и сам Дональд стал плохо спать: ему постоянно снилась одна и та же женщина. Средних лет, но с лицом, состаренным горем и усталостью, в темном платье, какое могла бы носить и гувернантка, и приживалка. Она появлялась в его снах, сжимала тонкие пальцы на его руке и просила немедленно уехать из особняка. Ночь за ночью.

Поезд издал громкий гудок и начал замедляться. Дональд, очнувшись от своих мыслей, подтянул ближе саквояж, поправил шляпу. Пожалуй, впервые за долгие годы он чувствовал себя растерянным – его жизнь всегда была размеренна,

правила и законы не ставили перед ней препон, скорее замечали, делали понятной и удобной. Учеба в престижном колледже и университете, женитьба на титулованной красавице, работа на благо семьи – все получалось, пока Избель не родила девочку. И теперь, когда он все-таки попытался исправить ситуацию, жене стало хуже, а Амалия, его маленькая, разумная, послушная Амалия начала бредить! В чем причина? В перемене обстановки? Не зря ведь врачи говорят, что у женщин слабые нервы, и поэтому место им дома, а не в науке или политике. Или за этим стоит нечто более... страшное?

Поезд остановился, и Дональд, выждав пару минут, поднялся. Сейчас ему просто необходимо было сосредоточиться не на домашних заботах, а на работе. К проблемам семьи он вернется вечером: встретится с доктором Файбером, заглянет в Торговые Ряды и купит Избель новое зеркальце, а потом обязательно наведается в Клуб. Дональд чувствовал прямо-таки физическую необходимость оказаться в месте, лишенном женских истерик, жалоб и проблем.

– Думаю, это хороший знак, – произнес доктор Файбер, снял пенсне и потер переносицу. – Сколько лет прошло с рождения мисс Амалии? Четырнадцать?

– В октябре пятнадцать исполнилось.

– Как время летит! – покачал головой доктор. – Так вот, пятнадцать лет миссис Вейт избегала зеркал, а теперь попро-

сила купить! Несомненно, перемена обстановки хорошо на ней сказалась.

Дональд перевел взгляд на книжные полки, занимающие большую часть кабинета. Многотомные издания, врачебная периодика, анатомические атласы, тонкие книжицы в ручных переплетах – все это выглядело солидно. Да и сам Файбер был солидным: брюшко, пухлые ладошки, пышные ухоженные бакенбарды и лысина, окруженная седеющими прядями. Доктор лечил Вейтов с тех пор, как Дональду исполнилось двадцать пять, и ни разу не подводил, но почему же его слова вместо радости и успокоения вызывают лишь тревожную дрожь? Дональду хотелось спорить. Сказать: «Вы не правы, доктор! Неужели вы меня не слушали?!», но вместо этого он склонил голову и произнес:

– Спасибо. Вы меня успокоили.

– Что вы, Дональд! Пойдемте, провожу вас, – доктор улыбнулся, и лысина его лукаво блеснула в свете газовых ламп.

– Спасибо, – повторил Дональд.

Экипаж, который привез его к доктору, все еще стоял у дома. Дональд назвал вознице новый адрес, забрался внутрь и стукнул тростью в крышу, давая знак ехать. Кэб бодро покатился по ноднолским улицам, подскакивая на булыжной мостовой и скрипя рессорами. Вечер мягко опускался на столицу, расписывая серо-бурые фасады домов закатными красками, людские лица мелькали за окном, и Дональд неожиданно остро почувствовал, как отличается этот шумный город от

тихого Борроуфана, казалось, в Нодноле с его кипучей энергией не было места ничему странному. Страшному – да, – но понятному. Понятным болезням, понятному желанию слуг не работать в одном доме и работать в другом, понятным реакциям. Экипаж остановился у начищенного крыльца здания Клуба Юристов, Дональд заплатил кэбби, толкнул тяжелую дверь, и в ноздри ему ударил «запах закона» – смесь ароматов дорогих сигар, виски, накрахмаленных рубашек и легкого флера чернил и бумаги. Когда он впервые открыл эти двери, сердце его забилось так часто и сильно, что едва не выпрыгнуло из груди: быть принятым в Клуб означало многое. И деньги, и знакомства, и интересные дела, и признание – сюда принимали лучших из лучших! Даже теперь, спустя годы, стоило «запаху закона» коснуться обоняния, внизу живота вспыхивало теплое чувство. В этот раз оно оказалось едва ощутимым.

– О, Вейт, – один из стоящих у стойки мужчин отставил стакан и направился к Дональду. – Рад видеть тебя! Выглядишь невеселым!

Громкая бесцеремонность Ричарда Косманда давно уже не удивляла никого с ним знакомого, зато раздражала и привлекала лишнее внимание. Обернулись даже те, кто сидел за столиками далеко от входа. Дональд обозначил улыбку, наградив коллегу мрачным взглядом, но тот только потряс его руку, не снимая перчаток.

– Как жизнь в сельском захолустье? – поинтересовался

Ричард.

Выглядел он так же громко, как говорил. Высокий, мощный, с копной волос, которую всеми силами сдерживало макассаровое масло, но при этом чисто выбритый. Плечи и грудь обтягивал идеально пошитый костюм, а ботинки мог бы носить и великан, но Дональд знал, что внешность обманчива. В глазах Косманда светился недюжинный ум, он мог быть удивительно тихим, но до того убедительным, что присяжные готовы были оправдать даже убийцу, признавшего все свои злодеяния.

– Пошли-ка навёрх, – заметив, как Дональд поджал губы, предложил Ричард.

На втором этаже Клуба располагался ресторан, готовили там сносно, а на голодный желудок – так и вовсе вкусно. Столы стояли далеко друг от друга, а часть из них – в отдельных кабинках, получалось что-то вроде комнаток, из которых ни звука не проникало вовне – лучшее решение для частного разговора. Дональду нравилось обилие темного дерева с красным отливом, а как приятно после напряженного дня было упасть в объятия кожаных диванов!

– Согласен.

Ступеньки заскрипели под мощной поступью Косманда, и, оказавшись в ресторане, он сразу направился к одной из открытых, а значит свободных кабинок. Официант тут же возник на пороге, принял заказ и бесшумно исчез. Прошло не меньше двадцати минут прежде, чем он вернулся с под-

носом, полным еды.

– Ну, рассказывай, – нарушил тишину Ричард и со вздохом придвинул к себе тарелку с говяжьими щечками, томлеными в вине, едва за слугой закрылась дверь.

Дональд же с едой не торопился, сначала сделал большой глоток пива, потом раскурил сигару. Стоит ли рассказывать о терзающих его сомнениях? О болезни теперь уже не только жены, но и дочери?

– Дом чудесный, – наконец произнес он и заметил, как взметнулись густые брови Косманда.

Будто бы он знал что-то, чего не знал Дональд. Или просто удивился такой оценке, видя подавленность друга?

– Но... – теперь Ричард чуть прищурился, и в его карих глазах вспыхнула искорка предвкушения, – но, – продолжил Дональд, – пока эффект от смены обстановки не такой, какого я ждал.

– И какой же?

«Наверное, он таким же мягким и участливым тоном разговаривает со свидетелями, чтобы обернуть их показания в пользу своего подзащитного», – подумал Дональд.

– Избель ведет себя странно, а теперь еще и Амалия...

– Странно, говоришь? – Косманд отодвинул от себя опустевшую тарелку, промокнул салфеткой губы. – Ее тревожат видения?

– Не ду... – осекся Дональд, – Амалию тревожат, Избель – нет.

– Знаешь, я ожидал чего-то подобного, когда узнал, что Айдел продает тебе особняк, который столько лет стоял заколоченным.

Ожидал? И имя одного из семьи Лордов Основателей произнесенное столь фамильярно!

– И каковы причины, позволь узнать? – холодно поинтересовался Дональд, справившись с растерянностью, вызванной словами Косманда, но тот только усмехнулся:

– Ты же знаешь, я люблю странные истории.

«Странными» он называл рассказы о встречах с призраками, феями и прочими плодами бурного воображения безграмотных или впечатлительных особ. Больше него подобные истории любил только журналист Конфорд: как-то раз кто-то даже пошутил, что «Лоуренс Конфорд» это вторая личность Ричарда Косманда. Глупость, конечно, но...

– И что в моем доме странного?

– О, дорогой друг, – Косманд отпил пива и прищурился от наслаждения, – такие истории стоит рассказывать в темную ночь перед Днем Сошедших Душ, но так уж и быть...

В кронах яблонь тихо вздыхал ветер; солнечный свет просеивался сквозь листья и рассыпался искристыми золотыми бликами по траве, шершавым стволам, страницам книги,

что лежала на коленях Амалии. Сосредоточиться на тексте не получалось, хотя здесь, в саду, живительное тепло согревало тело, изгоняя ненавистный холод из каждой косточки, но не из сердца. Амалии казалось, что оно смерзлось, превратившись в ледяной комок, неспособный разогнать кровь. Иногда в груди что-то сжималось, и тогда ей казалось, что она снова проваливается в кошмар, неспособная проснуться, неспособная сделать вдох. Ужасные сны преследовали ее ночь за ночью, и каждый раз, когда приходила пора готовиться ко сну, Амалии хотелось кричать, бежать прочь из дома. Она была готова ночевать в конюшне или курятнике, только не в своей спальне. Чудесной новой спальне, с красивыми обоями, большой кроватью с бельем, хрустко сминающимся под ее телом, письменным столом дедушки и платяным шкафом, что отец заказал специально для нее.

Потому что каждую ночь в этой спальне к Амалии приходили жуткие сны. Темные пещеры, похожие на узкие каменные мешки; запертые комнаты, в которых она не могла даже повернуться; озера, лишенные дна; колодцы, заполненные ледяной водой; давящая толща земли и вонь, забивающая ноздри. Каждую ночь Амалия задыхалась, чувствовала разрывающую легкие боль, тянулась к призрачному свету, что гас на границе сознания, скреблась в каменные стены или доски, занозя, стирая пальцы, срывая ногти, а спастись не могла. Хуже таких снов мог быть только один. В нем к ней приходила она – маленькая златоволосая девочка. Бра-

ла Амалию за руку, и все цвета вокруг сжирал пепельно-серый. Запах ямы, разрытой на краю болота, вытеснял ароматы, не оставалось никаких чувств, кроме ужаса, неотвратимо поднимающегося от носков к щиколоткам, и выше – к коленям, тисками сжимающего живот и обручами – грудь. И в момент, когда ужас сдавливал горло, Амалия больше не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, а девочка смотрела и улыбалась.

– Тс-с! Тихо ты! – от детского смеха у Амалии спина вмиг покрылась липким потом. – Не испугай нашу мисс, видишь задумчивая какая!

«Это просто Джон и Марли!» – облегчение горячей волной затопило сознание, сорвав с губ судорожный выдох.

– Я вас слышу! – произнесла Амалия и улыбнулась, ища взглядом, где могли притаиться двойняшки.

Вот увитая розами перегородка, вот разросшийся куст жасмина, столь высокий и густой, что за ним не видно окон гостиной...

– Добрый день, леди Амалия! – ветки, пока еще лишённые белых ароматных цветов, качнулись, и брат с сестрой предстали взгляду Амалии.

На душе у нее сразу потеплело. Эти очаровательные дети совсем не походили на жуткую златовласую девочку: у них были румяные щечки, их глаза искрились теплом и весельем, от их улыбок не сжимался желудок. Когда Амалия впервые увидела Джона и Марли, она сразу же поняла, о чем говори-

ла бабушка, рассказывая о счастье материнства. Честно говоря, тот разговор она подслушала. Ей было десять, вместе с мисс Роуди она закончила рисунок акварелью, и гувернантка разрешила показать его матери, но когда Амалия подошла к дверям гостиной, то услышала голос бабушки:

– Избель, дорогая, сколько лет уже прошло с рождения первенца? Да еще девочки! Дональду нужен наследник!

Ответа матери Амалия не расслышала, но голос бабушки стал холоднее и звонче:

– Дети и дом – главная твоя задача. Каждый раз, когда ты видишь маленькие ручки и ножки новорожденного, когда видишь, как он растет, меняется, как улыбается – на тебя опускается понимание истинного предназначения! В нем – благо и смысл...

В десять слова «истинное предназначение», «благо», «смысл» и другие, произнесенные бабушкой, не тронули души Амалии, но спустя пять лет она вспомнила их: новая кухарка вошла в дом, и за ней чинно шагали Джон и Марли. Одетые просто, но чисто, явно смущенные вниманием господ и других слуг, они казались столь трогательно-беззащитными, что Амалию затопило отчаянное тепло. А каким могло бы быть это чувство, если бы дети были *ее*? С того момента Амалия твердо решила стать лучшей женой и, конечно, матерью.

Совсем не похожей на ее собственную.

– Привет, – ласково поздоровалась Амалия, – а что вы тут

делаете? Разве не время сейчас помогать матушке на кухне?

По тому, как переглянулись и потупились двойняшки, Амалия поняла, что улизнули они тайком. Ей стало интересно, почему же столь послушные обыкновенно дети решили пойти на проступок?

– Вас отпустили поиграть, верно?

– Да! – ухватился за подсказку Джонни. – И мы...

– Мы решили посмотреть на двойную могилу! – выпалила Марли, брат неодобрительно покосился на нее, но промолчал.

«Наверное, одним идти страшно, вот и проболтались», – подумала Амалия и почувствовала, как по рукам пробежали мурашки – ей точно было бы страшно!

– Что еще за могила?

Двойняшки снова замялись: Марли принялась теревить передник, а Джон ковырять носком землю.

– Только не рассказывайте матушке, леди Амалия, – наконец решился Джонни, – нам борроуфановские рассказали...

– ... что за садом похоронена леди, что здесь до нас жила! – взволнованно перебила его сестра.

Амалия только брови удивленно приподняла: хоронили обычно на кладбище у церкви или часовни Спасителя! За садом, насколько знала Амалия, никаких церквей-часовен не было. Впрочем, она и о могиле впервые услышала. Наверняка, какие-нибудь местные байки!

– Уверена, что леди похоронили как положено – на клад-

бище, рядом с ее семьей, – произнесла она, закрывая книгу и поднимаясь.

Дети смотрели на нее чуточку обиженно и настороженно: отведет ли домой, помогать на кухне, расскажет ли матери о тайных вылазках в городишко и общении с местными?

– Пойдемте, посмотрим вместе, – Амалия протянула руки, и двойняшки радостно за них ухватились.

От улыбок на их губах, от тепла их маленьких, таких хрупких ладошек у нее сладко защемило в груди. Как можно по собственной воле отказываться от этого? Как можно... не любить свое дитя? Амалия крепче сжала пальцы, стараясь удержать трепетное и нежное, что дрожало в ней, не дать злым, полным обиды мыслям захватить ее.

Могила оказалась правдой. И находилась она совсем не за садом, а прямо в нем. Яблони сменились полудикой вишней и торном, под сенью которых вилась почти заросшая травой тропинка, она-то и вывела Амалию с детьми к самому отдаленному уголку сада. Там, у каменной стены, оплетенной плющом, покрытой серыми и желтыми пятнами лишайника, притаилось гранитное надгробие. Вокруг него густо разрослись колокольчики – Амалия никогда ничего подобного не видела – они были буквально повсюду и... уже цвели! Бледно-голубые и ярко-синие, густо-фиолетовые и даже белые венчики покачивались на ветру, а среди них свечами возвышались асфодели.

Амалия шагнула к надгробию и почувствовала, как паль-

чки Марли и Джона разжались – они остались на границе этого колокольчиково-асфоделевого безумия. Она не стала звать их, пошла вперед, ступая осторожно, но все равно чувствуя, как недовольны ее вторжением цветы – они качали головками, цеплялись стеблями за ее юбки и, наверное, неслышно звенели от возмущения. Остановилась она только когда оказалась совсем рядом с гранитной плитой. Вблизи стало видно, что ей не один год, время покрыло камень оспинами, мшистыми мазками, но слова все еще легко читались: «Ромаль Кроптон», а ниже даты рождения и смерти.

На надгробии дедушки Амалии выбили слова «возлюбленному мужу и родителю», бабушкино венчала фигура плакальщицы, одеяние которой драпировкой спускалось к могильной плите, а здесь – просто сухие цифры и имя. Амалия почувствовала, как глаза обожгли слезы.

– Леди, – негромко окликнула ее Марли, – пойдемте, здесь страшно!

Страха Амалия не чувствовала, только сожаление и холод, пробирающий ноябрьским ветром, а не майской прохладой. Но Марли права – стоило вернуться хотя бы в сад. Амалия развернулась и пошла к двойняшкам, что с облегчением нырнули в тень вишни и торна.

Она не увидела стоящую за надгробием девушку с льняными волосами, ее светлое, с глубоким декольте платье растворялось дымком среди цветов, а на губах играла задумчивая улыбка.

Избель почти не выходила из комнаты. В понедельник Дональд уехал, проведя в новом доме всего неделю, и оставил ее одну в бесконечном холоде, но она его почти не ощущала. Привыкла ли? Избель не знала. Ее ногти теперь отливали синевой, губы побледнели, она не могла удержать в непослушных, негибких пальцах иглу для вышивания, но шаль больше не укрывала ее плечи, а плед – ноги, все стало неважно.

По утрам Избель не хотела просыпаться, а днем грезиланаяву, раз за разом вспоминая то, что снилось ночью. Там, во снах или воспоминаниях, была настоящая жизнь. Та, о которой Избель так мечтала, та, которой она жила так недолго. Даже лучше. Молодость, красота, богатство – истинное богатство, а не жалкие бумажки Дональда – она владела всем, потому что в ее жилах текла кровь Лордов Основателей! Ей достаточно было посмотреть на серое, затянутое тучами небо, чтобы ветер разорвал их в клочья и обнажил радостную синеву! И пусть за это приходилось расплачиваться мигренью и носовым кровотечением... Избель прикрывала глаза, стремясь вновь вызвать в памяти этот образ – юной леди в платье с глубоким декольте, с глазами белыми, словно снег – именно в нем она проживала лучшие часы своей жизни. И как она могла бояться этого отражения? И когда увидела его в зеркальце, и в ту, первую, ночь, когда сон скрыл тоскливую

реальностью темной вуалью...

Избель помнила, как лежала, ворочаясь на колючих от крахмала простынях, касаясь щекой неприятно-гладкой подушки, укрытая одеялом, под которое, не смотря ни на что, просачивался холод. Запах новых обоев смешивался со странным землистым ароматом. Она вдыхала его, думая о том, в какую дыру привез ее Дональд, и постепенно этот аромат вытеснил все остальные, утянул Избель за собой в забытие. Она редко помнила свои сны, даже думала, что они ей вовсе не снятся, но в этот раз все было иначе – каждая деталь, каждый звук, каждый оттенок, каждое касание – Избель чувствовала и помнила все, будто это происходило с ней на самом деле! И в то же время происходящее было от нее... далеко? За плотной прозрачной стеной, за толщей воды, за чем-то упругим, но непреклонным. Каждую ночь Избель пыталась приблизиться, преодолеть это препятствие, чтобы окунуться в *настоящую* жизнь полностью. И кажется, у нее получалось.

Первый сон, в котором она примеряла новое платье, стоя перед ростовым зеркалом, оказался самым отдаленным и коротким. Наверное, потому что тогда она снова испугалась своего отражения – с криком проснулась на мокрых от пота простынях, повторяя: «Это не я, это не я, это не я». На крик прибежала Амалия, но Избель, увидев в дверях ее перепуганное бледное лицо, столь похожее на ее собственное, только разозлилась. Трусливая девчонка тут же исчезла, преду-

предив и горничных, чтобы не беспокоили, а Избель выбралась из постели и стянула с себя сорочку. Она еще помнила касание ткани платья из сна – мягкого, нежного, восхитительного – и теперь ей казалось, что грубый хлопок царапает ее кожу. Потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться, а за первым сном последовал второй, и третий, и четвертый. С каждой ночью они становились все длиннее, и больше Избель не боялась. Наоборот. Она наслаждалась.

Наслаждалась прогулками в яблоневом саду.

Наслаждалась выездами на пикники.

Наслаждалась богатством и роскошью.

Даже сам дом в ее снах выглядел иначе, хотя это несомненно был он. Другие витражи, другая мебель – не чета той, что купил Дональд! – другая посуда. Избель ела из тончайшего фарфора изящнейшими серебрянными приборами! В гостиной стояло пианино ручной работы! Музыцировать на нем для гостей было так приятно! Все восхищались ее внешностью, ее голосом, беглостью ее пальцев и тем, как тонко она чувствовала мелодию!

А прогулки на лошадях? А домашний театр? А катание на коньках? После таких снов каждое пробуждение становилось пыткой, и Избель оттягивала его как могла; ложилась спать днем, не впускала в комнату солнечный свет – и постепенно яркие картины снов вытесняли скучную серую реальность. Она все еще помнила Дональда и радовалась, что его

нет, – он точно не постучит в ее спальню. Она все еще помнила, что где-то в доме находится ее дочь, но теперь ненависть почти угасла, не беспокоила Избель в ее коконе равнодушия.

Сегодня ночью она готовилась к приему. Особняк украсили живыми цветами, среди которых больше всего было роз – белых и красных; повсюду горели свечи, и их золотистые огоньки отражались в полированном паркете, играли в стеклах и зеркалах. Сама Избель уже нарядилась: в белых волосах вспыхивали капельками крохотные алмазы, тонкую шею обхватывала бархотка, высокую грудь подчеркивало платье из молочного муслина. Вокруг суетилась служанка, а на низком кресле сидела женщина с уставшим и грустным лицом, одетая в глухое темно-серое платье. Только серебряные серьги и бордовая отделка лифа выдавали, что она не вдова. Женщина сидела молча, но Избель чувствовала ее неодобрение... и точно:

– Не слишком ли кокетливо? – спросила она.

– Нет! – отрезала Избель, и в который раз почувствовала волну восторга, услышав собственный музыкально-звонкий голос.

– Ромаль...

– Нет!

...Как сожалела Избель, что не успела увидеть сам прием и поучаствовать в танцах! Сны никогда не продолжались, их нельзя было отложить, как книгу, а потом продолжить с того

же места – каждый раз сон показывал новый эпизод, а ведь ей так хотелось покружиться на балу, срывая с уст гостей восторженные вздохи и заставляя глаза соперниц загораться завистью!

Половица перед дверью в коридоре негромко скрипнула, и следом раздался стук.

– Миссис Вейт, – проблеяла за дверью какая-то из служанок, Избель совсем забыла их голоса, да и внешность, если признаться, – я принесла вам ужин, кролика в сметанном соусе и картофель, как вы и просили. Можно войти?

Избель нахмурилась: она просила? Ужин? Что за глупости? Единственное, о чем она могла бы попросить, так это о тишине и спокойствии! Избель открыла было рот, чтобы прогнать нахалку с ее кроликом и картофелем, но почувствовала, что воздух в комнате резко остыл и сгустился так, что у нее закружилась голова. Перед глазами все поплыло, наверное, поэтому ей привиделась девушка с белыми волосами... Она протянула руку, а Избель, не в силах больше сопротивляться накатившей дурноте, потеряла сознание.

И очнулась только ночью. В окно заглядывала луна: пока еще не полная, похожая на сивер – круглую серебряную монетку, чей краешек увяз в грязи; пройдет еще несколько дней, прежде чем полнолуние достанет ее и отмоет. Дом дышал тишиной, и в этой тишине Избель почему-то удивило ее собственное громкое дыхание. Она лежала не на полу, не в кресле – кто-то заботливо передел ее в сорочку, уложил в

постель и даже укрыл одеялом.

Во рту стоял привкус кролика в сметанном соусе...

Избель попыталась вспомнить хоть что-нибудь, что произошло за последние несколько часов, но вместо этого перед глазами сразу всплыли картины дома украшенного розами. Сердце забилось чаще, и в груди стало сладко от волнительного предвкушения, какое возникало иногда в ожидании приемов. Избель закрыла лицо руками, провела прохладными ладонями по лбу, щекам. Какая разница, как она оказалась в постели? Зачем она вообще очнулась? Теперь и спать не хотелось! Раздосадованная, Избель поднялась, решив зажечь свечу и почитать книгу, но ни того ни другого на столе не оказалось. Нахмурившись, она подхватила с кресла шаль, обулась в мягкие домашние туфельки и отправилась в библиотеку. В их старой квартире, в Нодноле, Дональд приучил слуг к тому, чтобы там всегда были готовы и свечи, и спички, хотя громкое слово «библиотека» той комнате совсем не подходило.

Ковер, что устилал коридор, приглушал легкие шаги Избель, и она легкой тенью скользила мимо запертых дверей. Во снах коридор выглядел иначе, хотя двери были точно такими же – темными, дубовыми, с бронзовыми ручками – но во снах здесь не пахло пылью и старостью.

Во снах вообще ничем не пахло!

Избель даже замерла на секунду, осознав это. Клубника не пахла клубникой, яблоки – яблоками, и даже аромат роз

и горячего воска в доме, полном цветов и свечей, отсутствовал! Как странно! Ведь прочие ощущения были удивительно яркими!

Избель толкнула дверь в библиотеку и осторожно вошла. Зажгла свечу, стоявшую на столике справа, и подняла ее повыше. Дрожащий язычок осветил комнату, заставленную пустыми стеллажами, лишь пара ближайших оказалась заполнена книгами, очевидно, привезенными из ноднолской квартиры. Избель узнала толстые тома законов Королевства, на корешках из темной кожи золотились номера: первый, второй, третий; нашлись и романы братьев Хэндбелл, которые мать Дональда подарила Амалии. Избель двинулась дальше, мимо пустых стеллажей. На некоторых из них все еще лежала пыль – слуги совсем разленились! – на некоторых остались книги прежних владельцев, конечно, среди них не оказалось ни одной ценной. Избель помнила звенящее ощущение волшебства в крови, что преследовало ее во снах. Оно было слаще меда и пьянее вина, а еще она помнила, что раньше, наряду с философскими трактатами, романами и пьесами, здесь стояли тома с названиями «Природа погодной магии», «Силы, заключенные в бурю», «Таланты наследников фэйри». Или не здесь? Реальность сливалась со снами.

Стеллажи кончились, Избель оказалась у стены, на которой светлело прямоугольное пятно, – наверное, осталось от снятого портрета. А вот и сам портрет. Избель поставила свечу на пустую полку и взялась за припыленную раму,

чтобы развернуть ее и увидеть, что же изображено. Уголок закрипел по паркету, оставляя на нем неаккуратную полосу, Избель раздраженно вытерла пальцы о шаль и перевела взгляд на картину.

Русоволосый мужчина с серыми до белизны глазами стоял позади кресла, на нем расположилась женщина, в которой безошибочно узнавалась одна из Кемшоу – зеленые глаза, темные кудри и брошка в виде цветка белой восточной камелии. Оба они принадлежали к семьям высшей аристократии – Лордам Основателям. Одной рукой женщина держала за руку мужа, а другую положила на живот. Свободный край платья скрывал размер живота, но Избель не сомневалась, что женщина беременна. Художник тщательно выписал румянец на ее щеках, мягкую улыбку на розовых губах, ласковый взгляд, блеск волос... Избель брезгливо скривилась, резко развернулась, схватила свечу с полки и почувствовала рывок. Пришлось присесть, чтобы попытаться рассмотреть, за что зацепилась шаль. Оказалось, что за шляпку гвоздика, выглянувшую из разохшейся опоры стеллажа. Дональд не удосужился даже привести в порядок все комнаты, прежде чем перевозить ее сюда! Сжав зубы, Избель грубым рывком высвободила ткань, жалобно треснувшую и жалким клочком повисшую на злосчастной шляпке, и хотела было идти прочь, как увидела тусклый медный проблеск. Что-то завалилось под стеллаж.

Избель вновь наклонилась, и вскоре дрожащий огонек

свечи озарил плотную обложку альбома, украшенного ажурными медными уголками. Избель откинула плотную обложку, и в нос ударил запах плесени и пыли; страницы слиплись, чернила выцвели и расплылись, так, что прочитать можно было одно-два слова или абзац, но Избель все равно листала пока не нашла запись, сохранившуюся не иначе как чудом. У нечеткой даты разобрать получилось лишь месяц – июнь, – а дальше шли хоть и бледные, но понятные слова...

«...Прием был великолепен!..»

«...Прием был великолепен! Не зря я потратила столько времени, придумывая украшения, наставляя слуг, проверяя каждую деталь – чтобы она полностью соответствовала тому, как я это представляла. И розы, и свечи, и ленты в саду и бальной зале! А музыка? Я убедила отца пригласить лучших музыкантов из Ноднола, и не зря! Ни одной фальшивой ноты, а уж я-то знаю толк в музыке! Конечно, и гости были в восторге! И не только... Как мне понравилось, с какой завистью смотрела на все это великолепие Элоиза Найтшоу! Это так весело! Примерно так же, как подрезать крылья стригам! Как мне хотелось смеяться, глядя в ее надменное лицо! Пусть знает свое место! Ее семья произошла от каких-то слабеньких фей, а мы, Кроптоны, потомки фэйри! Жаль, конечно, не приехали Мэллоуны... Это меня весьма и

весьма расстроило, но с другой стороны – у них уже два поколения не проявлялась волшебная кровь, кто знает, сколько они еще смогут сохранять за собой высокие привилегии семьи Лордов Основателей? И все-таки, говорят, братья Мэллоуны хороши собой, превосходно воспитаны, да и состояние их семьи одно из самых больших...

Зато явились и Айделы, и Грейсдоры, даже Эндрю Грейсдор... Ах! Я видела его три года назад, и тогда он совсем не показался мне столь красивым, мужественным и приятным. Я была слишком юна, чтобы оценить это, но сегодня, когда он пригласил меня на танец... Меня словно окатило горячей водой или овеяло горячим ветром! От одного его прикосновения к моей руке! Ах! От воспоминаний щеки загораются! А после первого танца последовал и второй, и третий, потом мне, конечно, пришлось позволить и другим кавалерам потанцевать со мной, иначе было бы совсем неприлично. Валле, само собой, заметила интерес Эндрю. Еще бы она не заметила! Старая дева! Приживалка! Только и делает, что смотрит за мной, и смотрит, и смотрит! «Платье откровенное», «Украшения вызывающие», «Леди не пристало», «Леди не должно», «Вы же леди» – только и делает, что командует и читает морали! Ненавижу ее! Думает, только она внимательная! А я ведь тоже замечаю взгляды, какими она одаривает молодых людей! Смотрит, как кошка на сметану, а чуть что – глаза отводит. Фу!

И Эндрю это заметил, пошутил даже. Сначала я хотела его

осадить, а потом решила – зачем? Он же прав! И посмеялась с ним. Думаю, стоит убедить отца в том, что нам совершенно необходимо пригласить Грейсдоров и, конечно, Эндрю к нам. Завтра же займусь этим! Мне кажется, ч...»

На этом страница обрывалась. Избель поморщилась, пытаясь разделить хрупкие листы, но ничего не получалось, только пыль липла к пальцам. Очевидно, что альбом принадлежал юной девушке, жившей в этом доме раньше – одной из семьи Кроптон. Избель слышала о них: принадлежавшие к Лордам Основателям, хранящие секреты погодной магии. Значит, сны о волшебной крови были не совсем снами, скорее... воспоминаниями? Страх коснулся коленей, но Избель решительно его отогнала – какая разница, если они дарили ей счастье, уносили в мир, где не было ни дочери, ни мужа, ни долга? Но прочитанная запись встревожила Избель. Она вновь взглянула на страницы дневника: прыгающие строчки выдавали волнение и возбуждение девушки. И причиной им послужил Эндрю Грейсдор.

Мужчина.

А мужчины опасны.

Они могут лишить молодости, свободы, здоровья, и никто их не осудит.

Избель проверила свечу, нашла следующую разборчивую запись и продолжила читать, чувствуя, как сердце бьется быстрее в предчувствии чего-то страшного.

«Папенька сразу согласился пригласить Грейсдоров, но их

ответа пришлось ждать две недели, а потом еще две – пока они приедут. Валле запретила мне переписываться с Эндрю и даже проверяла всю почту, так что мне пришлось послушаться и просто ждать, но уже завтра Эндрю будет у нас! Наконец-то я снова увижу его!»

«Ужин прошел чудесно, а после музицировали. Эндрю похвалил мою игру. Завтра собираемся на конную прогулку».

«Чувствую себя ужасно злой! А все Валле! Ходит за мной след в след, ни на секунду не оставляет одну! Как же она надоела! А все из-за того, что пару дней назад она застала нас с Эндрю в столовой, а рядом – ни слуг, ни папеньки. И теперь каждое утро у меня начинается с чтения моралей о добродетелях настоящей леди, о скромности, честности и чистоте. Как же надоело!

Но несмотря на все потуги Валле, мы с Эндрю придумали, как нам общаться в тайне, а сегодня ночью, когда все улягутся спать, мы встретимся с ним в саду! Я пишу эти строки и от предвкушения у меня дрожат руки!»

Руки Избель тоже дрожали. Она каким-то неведомым чувством, интуицией, чувствовала, как девушка приближается к черте, которая может... нет, которая перечеркнет всю ее жизнь. Избель попыталась разобрать следующую запись, но не смогла, начала искать дальше и услышала, как открылась дверь в библиотеку.

– Нет здесь никого! – раздался ворчливый мужской голос.

Наверное, дворецкого.

За полками он не мог разглядеть робкого огня свечи.

– Но я видела, как она пошла сюда! Женщина в темном платье! – собеседницей дворецкого оказалась экономка.

– Нет здесь никаких женщин! – отрезал мужчина. – Горничным беловолосая девушка мерещится, кухаркины дети играют с незнакомой девочкой, а теперь еще и ты? Хватит глупости выдумывать! Будто бы мне и без ваших бредней проблем не хватает!

Дверь со стуком закрылась, и библиотека снова погрузилась в тишину. Избель посмотрела на огонек свечи, потом на старый альбом, что продолжала сжимать побелевшими пальцами, и решила продолжить чтение в спальне.

«...Сегодня утром мне снова было плохо, я еле поднялась с постели, а когда одевала лиф, почувствовала, что меня затошнило. Никогда не видела у камеристки таких глаз – круглые от изумления, как два голдена!»

«Не смогла пообедать, меня вырвало от одного запаха моего любимого кролика в сметанном соусе с картофелем!»

Избель отложила альбом, чувствуя, что ее сама сейчас вырвет. Глупая девчонка! Что же она наделала?! О-о, Избель прекрасно знала, от чего по утрам начинает тошнить, от чего настроение меняется, словно ветер на побережье. Мать Дональда называла это «семейная стезя», а все вокруг – «чувствует себя деликатно», но на самом деле это было поражение самым страшным недугом из возможных! Тем, что вы-

пивал все силы, а потом лишал внимания и любви, взамен требуя их стократно!

Избель глубоко вдохнула и вновь вернулась к чтению.

«Утренняя почта едва меня не убила. Я впервые проснулась в хорошем расположении духа и без этой изматывающей тошноты, камеристка и Валле помогли мне одеться, и завтрак был таким восхитительно вкусным... А потом принесли почту. Карточки и визитки папенька, не глядя, отдал Валле, и она принялась их разбирать: синюю сразу отложила, на коричневой задумалась, красную и еще одну синюю едва прочитала, а вот на бело-розовой ее пальцы задрожали, и она кинула на меня быстрый взгляд. Никто и никогда на меня так не смотрел: с жалостью и страхом. Я сразу же вырвала у нее эту карточку, посмотрела на ровный почерк, и сердце у меня, кажется, перестало биться. Папенька испугался, Валле вскочила, а я закрыла глаза, но и тогда видела строчки: «С радостью рассказываем дорогим друзьям о помолвке...» Дальше шло приглашение на ужин, а потом подпись – Элиза Найтшоу и Эндрю Грейсдор...»

«Я беременна. Беременна! Беременна! Как же так вышло? Эндрю говорил, что первый раз совершенно безопасен, говорил... Да какая в бездну разница, что он говорил?! Лжец! Предатель! Рассказывал мне о любви, а сам... сам уже готовился к помолвке с гадкой Найтшоу, фейской полукровкой!»

«Передо мной на столе стоит средство, которое поможет избавиться от ребенка. Стоит ли воспользоваться им? Ко-

нечно, стоит. Тогда никто и никогда не узнает о моем позоре!»

Избель закрыла альбом. Дальше запись было не разобрать, а после нее в альбоме шли только чистые листы. Она не знала, что стало с девушкой, но догадывалась, что счастливого исхода у этой истории не случилось. Средства, которые помогали прервать беременность, иногда прерывали жизнь тех, кто их принял. Свеча прогорела наполовину, но гасить ее не хотелось, казалось – погаснет хрупкий рыжий огонек, и тени, что таились в углах, выползут, захватят комнату, проберутся в сердце, пустят там корни, как пустили яркие сны, лишённые запахов. Теперь Избель боялась их.

Глава 4 Лилии и лепестки

Все пошло совсем не так, как задумывал Дональд. Стало только хуже. Избель, Амалия, слуги – все они вели себя странно, даже дико. Только дворецкий как-то держался, но Дональд видел, какие усилия он прикладывает, чтобы все окончательно не полетело в бездну.

Кухаркины дети играли со златовласой девочкой.

Горничные то в одной комнате, то в другой встречали белоглазую красавицу.

Избель заперлась в комнате и никого не желала видеть.

Амалия по ночам кричала от ужаса.

А сам Дональд...

Он поднял взгляд от описи имущества – ее составили специально, чтобы он смог оценить, насколько нужно его клиенту бороться за завещание – и посмотрел на середину комнаты. Там стояла женщина из снов. В темном, похожем на вдовье платье, со старомодной прической, какую делала, может, бабушка Дональда, и с грустью в темно-карих глазах. Косманд оказался прав.

Дом Дональда оказался полон... призраков. Когда приятель рассказывал историю о семье Кроптон, Дональд хотел рассмеяться ему в лицо, но что-то останавливало. Чутье, да, чутье. Оно подсказывало, что правда в безумной истории о странной гибели, сначала Ромаль Кроптон, потом ее тети и

отца, а потом и всех, кто пытался жить в их особняке, есть. То-то его никто не покупал! Впрочем, тогда Дональд списал это на то, что дом не был родовым имением – холлом или манором; не было у него и большого сада, охотничьих угодий, земельных владений под аренду. Просто небольшой особняк, построенный в начале века недалеко от столицы. Но именно здесь, оказывается, оборвался род, что по легендам произошел от фэйри. Дональд в чушь про волшебных существ и Добрых Соседей не верил, но Ричард относился к ней на удивление серьезно:

– Зря сомневаешься, – веско проронил он, – думаю, именно волшебная кровь и позволяет этим призракам убивать. Обычно-то духи разве что напугать и могут, безобидные.

– Волшебная кровь – красивая легенда, – рассмеялся тогда Дональд, но смех прозвучал натянуто.

А теперь вот. Призрак стоял перед его столом. Призрак просил уехать. Забрать жену, дочь, слуг и бросить дом, который Дональд ласково называл «Вейт-хаус». Оставить мечты о выздоровлении Избель, о наследнике, о счастливой семье.

– Прошу вас, Дональд, – поймав его взгляд, заговорила женщина. Она отказывалась назвать свое имя. – Прошу вас! Послушайте меня!

– Я не уеду, это мой дом!

Разговор повторялся. Прошло уже три дня с момента, как Дональд вернулся из Ноднола, и она приходила каждый вечер. Просила, умоляла, угрожала.

– Он станет вашей могилой, если не покинете его! – ее тихий голос, обычно звучащий, как шорох опавшей листвы, обрел неожиданную высоту и силу, в висках сразу забились тупая боль.

– Не станет, – поморщился Дональд. – Я решу проблему. Избавлюсь и от вас, и от той, кем вы меня пугаете.

Еще вчера он написал письма в лучшие цветочные лавки, заказал лилий.

– Лилии, – произнес Косманд в тот вечер в Клубе, – они помогут отогнать призраков.

Дональд спросил тогда: как их не *отогнать*, а *прогнать*, но приятель пожал плечами:

– Если увидишь – спроси, что ему нужно. Может, если помочь, приведение успокоится, – глаза его оставались холодными, они говорили: «Легко не будет!»

И, конечно, когда женщина в темном платье предстала перед Дональдом не во сне, а наяву, он обратился к ней, спросил, кто она, и что ей нужно. И дать этого не смог.

– Избавитесь? – призрак покачала головой. – Вам не под силу.

Дональд промолчал, вновь опустил взгляд к описи, но читать не получалось. В голову лезли мысли о лилиях, об Избель, об Амалии, о том, что в последнем письме, полученном утром, Косманд обещал найти *экзорциста*. Услышал бы Дональд что-то похожее месяц назад, он бы посмеялся над заблудившимся в тумане легенд и преданий легковерным бол-

ваном-собеседником. А теперь этим болваном был он сам.

– Прошу вас, просто уезжайте! – снова произнесла женщина, с минуту постояла, а потом исчезла.

Дональд этого не видел – почувствовал. В комнате стало теплее, исчез почти неосязаемый, но навязчивый запах мокрой земли, стало легче дышать, но тревога никуда не ушла. Тяжело вздохнув, Дональд откинулся на спинку кресла, отозвавшегося уютным поскрипыванием, с усилием потер лицо руками. Только бы дождаться лилий, а там продержаться, пока Ричард не найдет помощь. Увезить из дома семью Дональд не только не хотел – не мог. Покупка особняка, его обустройство обошлись семье слишком дорого, дом в Нодноле пришлось отдать в часть стоимости, а комнаты, которые Дональд снимал для поездок в столицу, двум леди совершенно не подходили.

Ему некуда было везти жену, дочь и слуг. А значит, нужно во что бы то ни стало защитить Вейт-хаус.

До чего же ласково солнце! Как нежно сияет чистое небо! Как сладко звучит шелест листвы за окном! Амалия даже зажмурилась от удовольствия, чувствуя на лице теплые лучи, легкие касания ветра, вдыхая полной грудью утреннюю свежесть. Мир стал таким красивым и добрым, когда отец вернулся и заказал лилии! Цветы в горшках и вазах были по-

всюду, их даже высадили вдоль дорожки к крыльцу. Лилейный аромат заполнил дом и... изгнал кошмары! Амалия наконец-то могла нормально спать, она больше не просыпалась среди ночи с криком и чувством, что легкие разрываются от боли, и девочка с кукольным лицом и злыми глазами ушла. Не появлялась ни во снах, ни наяву, оставила Амалию в покое!

«Сколь же мало человеку необходимо, чтобы вновь обрести счастье и полноту жизни! – записала Амалия в дневнике. – Всего лишь избавиться от страха и хорошо спать». Она снова могла читать и запоминать прочитанное, снова занималась рукоделием, снова могла спокойно разговаривать с камеристкой, да и сами слуги, казалось, вновь стали трудолюбивыми и старательными. На завтрак больше не подавали подгоревшие тосты, пыль, которая начала появляться на каминных полках исчезла, а экраны сияли чистотой. Зои снова начала улыбаться, робко шутить, а горничные больше не жались по углам, тихо и встревоженно переговариваясь. Настоящая леди, хозяйка дома, не допустила бы подобного, но Амалия, хоть и замечала, что работа прислуги выполняется из рук вон плохо, ничего не делала.

Ничего не делала и мать. Утром она могла сказать, что больна, а днем как ни в чем не бывало выйти из спальни и потребовать приготовить ей к ужину кролика в сметане и молодой картофель. В такие дни Амалия старалась держаться от нее подальше: пугал лихорадочный румянец на щеках, яркий

блеск глаз и мимика. Она становилась чужой. Мать никогда не улыбалась *так*: обнажая зубы, а не просто приподнимая уголки губ; никогда не двигалась столь легко, плавно и живо, словно юная мисс; даже интонация и манера говорить менялись – в них появлялись капризность и леность. Поэтому в то утро, когда Амалия впервые проснулась не разбитой и измученной, а бодрой, в ее сердце вспыхнула робкая надежда на то, что и мать поправится.

Амалия ласково погладила лепесток лилии: ярко-розовый в середине, он медленно выцветал в нежный ближе к краям. Она сама выбрала этот цвет, принесла в комнату высаженные в горшки цветы, поставила в вазу на столе – срезанные. Еще привезли белые, рыжие, персиковые, багровые, с крапинками и без, но розовые почему-то сразу приглянулись, и Амалия попросила отнести их к ней в комнату. Любуясь ими, она впервые за неделю почувствовала, что майское солнце нагрело поверхность стола, а потом услышала крики и звон разбивающегося стекла. Когда она прибежала к спальне матери, горничные уже собирали черепки и осколки, сметали рассыпавшуюся землю, среди которой белели хрупкие изломанные цветы. Из-за двери не доносилось ни звука.

– Окно открыла, наверное, – негромко пробормотала одна из служанок. – Чувствуешь, как холодом тянет?

– Наверное, хотя на улице-то теплынь стоит! – ответила вторая, с жалостью глядя на смятые лилии.

Тогда Амалия поняла – надеждам сбыться не суждено.

Мерзкий запах был повсюду. Гадкий, отвратительный! Он забивал ноздри, от него раскальвалась голова, сердце то сжималось и замирало, то пускалось вскачь – все быстрее и быстрее, пока не становилось больно в груди. От него дрожали руки, пропадал сон и постоянно тошнило. От него тело сковывала слабость, поэтому Избель лежала на постели, не в силах пошевелиться. Сознание то меркло, окутанное холодным бледно-синим туманом, то отдалялось, из-за чего она не могла понять, где находится: в Нодноле, в Борроуфане, а может на вилле в Энуе, где они с Дональдом провели часть медового месяца? Потолок плыл, кровать кружилась. Иногда Избель проваливалась в спасительную темноту, но когда возвращалась из нее, обнаруживала себя стоящей у зеркала, сидящей в кресле у окна, лежащей на полу, а то и швыряющей вазу с лилиями в голову служанке...

Это должно было пугать, но Избель так устала, что не испытывала ничего, даже ненависть ушла. Когда в спальню постучалась Амалия и, не дождавшись ответа, вошла, то вместо привычной вспышки раздражения и злости, Избель не почувствовала... ничего. Зато Дональд, вместо страха, который она старательно прятала за капризами, упреками и придирками, будил в ней нечто, чему не было названия. Темное, вязкое, липкое, оно вскипало в сердце, и отвратительный за-

пах лилий сменялся запахом холодной влажной земли. Он окутывал ее, успокаивал и толкал в забвение...

...Выходила из которого Избель в самых неожиданных местах.

Она перевернулась на бок и столкнулась лицом к лицу с той, кем была по ночам – с белоглазой красавицей в старомодном платье, открывающем плечи и грудь.

– Добрый вечер, милая, – голос, что во сне звучал глубоко и мелодично, в реальности обрел хрипловатое эхо.

Девушка улыбнулась, обнажив ряд жемчужно-белых, влажно поблескивающих зубов, и у Избель от ужаса скрутило живот. В этой улыбке не было тепла, не было радости, не было ничего, кроме пустоты смерти. Избель попыталась отползти, но красавица цокнула языком и нахмурилась:

– Неужели ты боишься меня? – капризно растягивая слова, спросила она. – Мы же с тобой такие хорошие подруги! Ненависть связала нас, открыла мне путь в твое сердце, и я в благодарность подарила тебе чудесные сны. Тебе же нравилась *моя* жизнь?

Избель с трудом сглотнула, язык словно примерз к небу, но она все-таки выговорила:

– Ненависть?

– Я сразу почувствовала, что мы похожи, – красавица легла на спину, посмотрела в потолок, – и тебя, и меня убила связь с мужчиной. Только ты и твоя дочь еще дышите, а вот я – нет. И даже из дома этого омерзительного выбраться не

могу! Все что у меня есть – могила за садом и эти комнаты, а ведь я так хочу найти Эндрю...

Услышав имя, Избель вздрогнула. Оно прозвучало так, что не осталось никаких сомнений – его владельцу вынесен приговор; от восхищения и влюбленности, звеневших в каждой строчке дневниковых записей, не осталось и следа.

– ...найти каждого, в ком течет его кровь, – тем временем продолжала девушка, – и уничтожить! У меня даже возникла одна идея, но тут явился твой муженек и все испортил! Но мы это исправим, верно, милая? – она снова повернулась, и Избель увидела, как ярко блещут ее невозможно-светлые глаза. – Ты ведь тоже хочешь избавиться от лилий, верно? От их запаха болит голова, от него невозможно дышать...

Красавица продолжала говорить, но смысл слов ускользал от Избель, со всех сторон на нее надвинулись тени: погасили нежное золото заката, заглушили живые звуки дома, заслонили спальню – осталось лишь бледное прекрасное лицо с горящими глазами. И мольбе в них, пониманию, собственному отражению невозможно было сопротивляться.

– Хочу, – едва слышный шепот сорвался с губ Избель, и это короткое слово стало последним в ее жизни.

День доктора Джойса Оскара Вита проходил отлично. Он

плотно позавтракал, почитал свежую газету, прогулялся по главной улице, раскланиваясь со знакомыми, потом навещил миссис Лауфин – жену богатого фермера, – а вернувшись домой подкрепился отменными отбивными. Послеобеденный сон наполнил мистера Вита силами, и он с энтузиазмом взялся за продолжение научной работы. И именно здесь, в любимом рабочем кабинете, обставленном с таким вкусом и тщанием – красное дерево, бронзовые безделушки, роскошный шкаф, в котором ровными рядами стояли книги, – доктора Вита впервые за день посетило неприятное чувство.

Тревожно засосало под ложечкой, когда он, входя в кабинет, кинул взгляд на корзину для бумаг. В ней не набралось и половины, но сверху лежало письмо от одного весьма неприятного молодого человека, и Вит хотел бы забыть и его, и их сделку. Какая жалость, что сэр из богатой и влиятельной семьи подобного желания не испытывал! Доктор надеялся, что от обязательств его освободит отъезд молодого человека из Королевства, но стоило этой надежде появиться и укорениться в мыслях, как тут же пришло письмо, вырвавшее ее.

Вит прошел к столу, пододвинул к себе чистые листы, открыл чернильницу, но все его внимание притягивало к себе злосчастное письмо. Он помнил каждую его строчку, запятую и точку:

«Дорогой доктор!

Очень нелюбезным будет с Вашей стороны отказаться

от собственных обещаний. Пусть я покинул Королевство, но поверьте, мне не составит никакого труда... принудить Вас к исполнению наших договоренностей. Услуга, которую я оказал Вам не сравнится с тем небольшим и необременительным поручением, что Вам надлежит выполнить. Все необходимое я прислал ранее.

Не разочаруйте меня,

Ваш друг, Г. А.»

Каков наглец! Другом назвался! Доктор Вит не выдержал и позвонил в звоночек, получилось даже слишком резко и громко, но пришедший на зов помощник никак не показал своего отношения к этому.

– Вынесите корзину для бумаг! – доктор считал, что «тыкать» слугам унизительно не столько для слуг, сколько для него самого.

Помощник коротко кивнул, и письмо наконец-то пропало из поля зрения Вита. Сразу даже как-то дышать легче стало, и повеселевший доктор вернулся к своей научной работе.

Время за ней летело незаметно, и когда финальная точка была поставлена, солнце уже клонилось к закату. Вит снял очки, потер переносицу и, откинувшись на спинку кресла, позволил себе помечтать о том, какой успех ждет его монографию. Сладкие картины больших тиражей, выступлений перед искусственной публикой, лекций не где-нибудь, а в самом Нолидже, поездок на международные конференции понесли перед внутренним взором, и погруженный в эти гре-

зы доктор не расслышал, как помощник стучит в дверь.

– Прошу прощения, сэр, я стучал, но вы не отвечали, а дело срочное!

Благодушие слетело с доктора Вита, словно листья с дерева в осенний, ветренный день, а на замену ему медленно поднялась тревога. «Началось!» – подумал он, и эта мысль не имела рационального объяснения. Просто что-то в лице помощника, в его тоне, в том, как он смотрел на Вита, дало это понимание.

– Что случилось? – голос осип.

– Тут прибежала девчонка-посудомойка из господского дома, куда недавно въехали Вейты, говорит, что хозяйке плохо, вас зовет...

«Откуда он знал? Откуда этот янтарноглазый подонок все знал?! И что только заставило меня связаться с ним?!» – вопросы один за другим вспыхивали и гасли в голове доктора, а сам он тем временем вытащил из-под стола свой рабочий саквояж, на дне которого, вместе с традиционными врачебными инструментами, лежали предметы несколько иного характера.

Те, которые прислал «друг». Ивовый прутик, тонкая серебряная цепочка, медальон и флакон из искрящегося стекла, в котором лежал белый лилейный лепесток. Лепесток следовало убрать в медальон, а тот – повесить на цепочку; цепочка предназначалась для человека, на которого укажет ивовый прутик.

– Заложите двуколку и подгоните ее к крыльцу! Я поеду один!

Помощник легонько поклонился и вышел, а доктор Вит со вздохом извлек нужное из саквояжа. Лепесток лилии выглядел удивительно свежим, словно его только что сорвали, и тем страннее был аромат, вырвавшийся из флакона: пыли, тлена и гниющих цветов. Доктор раскрыл медальон, вложил в него лепесток, а затем вдел цепочку. По пальцам пробежал холодок. Убрав в карман пиджака ивовый прутик, Вит поспешил на выход.

Двуколка в полной готовности ждала, где положено, а в ней сидела девчонка-посудомойка, размазывая по щекам слезы.

– А ну-ка выбирайся отсюда! – прикрикнул на нее доктор, но та неожиданно серьезно на него посмотрела и вцепилась тонкими пальчиками в бортник экипажа.

– Нет! Там мои мама и братик!

Вит скривился, тяжело вздохнул, но прогонять не стал – ему было жаль ребенка, который явно волновался за близких. Тогда он не задумался над тем, почему девочка волновалась, а стоило бы.

Едва лошадь остановилась, как девчонка соскочила на землю и бросилась к дому, миновав незапертые кованые ворота. Доктор Вит же так неприлично торопиться не мог, да и что скрывать – не хотел. Он вспоминал холодные золотые

глаза «друга» и презрение, что зеркало в самой их глубине; вспоминал его голос, чуть манерную речь, колкую, словно метель в северных графствах Королевства, – и понимал, что «необременительным» его поручение точно не станет.

Миновав дорожку, по обеим сторонам усаженную цветущими лилиями всех цветов и оттенков (и где только Вейты нашли столько? Подобное разве что в оранжереях и теплицах Кемшоу найти можно! И только за большие деньги!), доктор Вит вышел к крыльцу.

Фасад выходил на восток, и из-за этого на двери и дорожке к ней лежали темные тени. Высокие дубы замерли в неподвижности, и даже птичьих трелей – вечных спутников заката – слышно не было. Особняк затаился, и Виту казалось, что он смотрит на него темными глазами-окнами, и от взгляда этого веяло чем-то недобрым.

Доктор коснулся кармашка, в котором ждал своего часа прутик, потом проверил, что медальон лежит в другом, глубоко вдохнул, выдохнул, и наконец занес руку, чтобы постучать, но дверь оказалась приоткрыта. Тогда он осторожно толкнул ее и ступил в пустой холл.

Раньше доктор никогда не бывал здесь – с приезда Вейтов прошло всего несколько недель, а до того бывший особняк Кроптонов стоял заколоченным много лет. И может поэтому он ожидал, что увидит пыль и запустение, а не холл, блистающий чистотой и изящной отделкой. Но стоило приглядеться, и стали заметны следы не впечатляющие, а пугающие.

На дубовых перилах лестницы виднелись свежие зарубки – они щерились щепастым оскалом; на ступенях поблескивала не успевшая свернуться кровь; дверь в одну из комнат была сорвана с петель и разбита. Доктор, чувствуя, как ноги подгибаются, осторожно приблизился и заглянул внутрь. «Наверное, здесь у Вейтов столовая», – подумал он. Круглый стол, застеленный прелестной кружевной скатертью, ковер на полу, невесомая тюль на окнах, за которыми разросся жасмин, – все это могло бы выглядеть очень красиво, если бы часть тюля не оказалась сорвана, на ковре не поблескивали разбитые осколки фарфоровой посуды, а из-за стола не выглядывали ноги лежащего на полу человека. Вит медленно подошел к нему, отметив, что дверь в помещения слуг открыта, а бронзовая ручка заляпана алым, и окинул внимательным взглядом. Голова бедняги оказалась расколота, но доктор все равно присел рядом на корточки, чтобы проверить пульс, и тут сверху раздался звук, в мертвой тишине особняка прозвучавший, как удар тарана в деревянные ворота. Доктор Вит от испуга не удержался на ногах, и едва не упал на спину, вовремя успев выставить руки, а потом выхватил из кармана ивовый прутик и, поднявшись с невиданной для его плотной комплекции сноровкой, поспешил наверх. Миновав лестницу и оказавшись в коридоре, успел увидеть, как в одну из комнат входит мужчина.

– Постойте! – окликнул его доктор Вит, но отозвался ему не он:

– Помогите! Помогите, пожалуйста!

Кричала девушка, и совсем юная – столь звонкий и чистый у нее был голосок. Доктор поспешил вперед, едва не споткнулся о распростертое тело женщины в шали поверх домашнего платья, и вбежал в комнату как раз в тот момент, когда мужчина занес топор над съезжившейся у стены мисс. Она взглянула прямо в глаза Виту, и прутик в его пальцах дернулся, разворачиваясь к ней.

– Стойте! – с губ сорвался не крик – хрип, но мужчина услышал.

Наверное, это и был Дональд Вейт, глава этого несчастного семейства, хозяин проклятого дома. Он повернулся, и доктор Вит отчетливо рассмотрел его на фоне окна, за которым белел пенным морем залитый закатным солнцем яблоневый сад. Лицо Дональда Вейта, его костюм, сшитый точно по меркам и отлично сидящий по фигуре, а главное. белый воротничок рубашки, – все это оказалось забрызгано кровью.

– Беги прочь, безумец! – сказал Вейт и неожиданно засмеялся, он смеялся и смеялся, а доктор Вит смотрел в его искаженное диким хохотом лицо, и мог думать только о том, что безумец здесь только один. – Не скроешься, они и тебя заберут! – выдохнул Вейт, когда смех иссяк. – Прoberутся в твоё тело! Разрушат твой разум! Разрушат, разрушат, разрушат...

– Отойдите от девушки, – как можно тверже произнес

доктор и шагнул вперед, – опустите топор и отойдите.

Но остатки здравомыслия совсем покинули Дональда Вейта, он наклонил голову, взглянул исподлобья и бросился на доктора. Сколь бы неожиданна ни была атака, умирать Вит не хотел – он ринулся в сторону и одновременно с этим кинул саквояж прямо в лицо Вейту, тот замедлился, не успел увернуться, и сила замаха увлекла его вперед, скользкая рукоять топора выскользнула, а доктор, подскочив сзади толкнул его в спину. Он хотел лишь обезвредить Вейта, и когда юное создание, плакавшее и причитавшее на полу, ринулось вперед, схватило топор и с силой обрушило его на шею Вейта, доктор даже не растерялся – впал в ступор. А девушка повалилась на пол рядом с обезглавленным телом.

Вит не знал, сколько он простоял, неверяще глядя на залитую кровью спальню, труп Дональда Вейта и его убийцу, но когда он все-таки очнулся, солнце все-так же висело над западным краем, заливая алым мир. Доктор достал из кармана медальон, повесил его на шею девушки, и осмотрел ее. Сердцебиение едва прощупывалось, но она точно была жива, и жизни ее никакие внешние травмы не угрожали. Вит взял девушку на руки, такую легкую и хрупкую, и медленно двинулся к выходу.

Следовало как можно скорее отвезти ее прочь из этого жуткого места, а еще вызвать полицейских и проверить, не осталось ли в особняке еще кого-то, кому нужна помощь. Но все эти действия доктор Вит делал почти неосознанно, как

какая-то заводная игрушка, механическая безделица – мысли занимал Дональд Вейт и последние секунды его жизни...

Эпилог

– К вам посетитель, – помощник протянул доктору Виту визитную карточку. На плотном картоне значилось «Кристофер Мэллоун, граф Мэллоун» и ноднольский адрес гостя. – У него также было рекомендательное письмо.

Почерк старого друга, заведующего лечебницей в столице, Вит узнал сразу и даже не стал распечатывать конверт.

– Мистер Мэллоун ждет в гостинной?

– Да, сэр.

– Скажите, что я приму его.

Слуга поклонился и вышел из кабинета, а доктор Вит закрыл лицо руками. Меньше всего на свете он хотел снова вспоминать эту жуткую историю с Вейтами, участником которой его вынудил стать титулованный «друг». Но его новое письмо требовало посвятить мистера Мэллоуна в детали и отчитаться о том, что произойдет в особняке после. Радовало одно – это было последнее поручение адвокатишки, срок их сделки подходил к концу. И если «друг» решит написать еще раз, его корреспонденция отправится даже не в корзину для бумаг, а сразу в камин!